

III.

Наступило четырнадцатое декабря 1825 года. Мы, конечно, не будем описывать здесь всех событий, ознаменовавших собою этот день, а остановимся лишь на роли в них братьев Бестужевых. Мы уже сказали, что

Александр и Михаил прибыли на Сенатскую площадь, предводительствуя возмущенным ими Московским полком, Николай — с возмущенным им гвардейским морским экипажем, а Петр, служа в Кронштадте, мог явиться лишь лично. Известно, что возмущение было подавлено пушечными выстрелами. По странной случайности этими выстрелами, положившими множество солдат и народу, не был ни убит ни ранен не только ни один из четырех братьев Бестужевых, но и никто из остальных предводителей возмущения, хотя все они находились в самом центре той волновавшейся массы, в которую врзывалась на самом близком расстоянии убийственная картечь. С этого момента мы можем следить за тем, как разворачивались перед глазами Николая и Михаила Бестужевых дальнейшие события, на основании их собственных записок.

Вот что рассказывает об эпилоге возмущения на Сенатской площади 14 декабря и происшедших вслед за тем с ним лично событий Н. А. Бестужев:

«Я стоял в интервале между Московским каре и колонною гвардейского экипажа, нахлобуча шляпу, поджав руки и повторяя себе слова Рылеева, что мы дышим свободою... Вдруг, мы увидели, что полки, стоявшие против нас, расступились на две стороны и батарея артиллерии стала между ними с разверстыми зевами, тускло освещаемыми серым мерцанием сумерек...

«Первая пушка грянула, — картечь рассыпалась; одни пули ударили в мостовую и подняли рикошетами снег и пыль столбами, другие вырвали несколько рядов из фронта, третьи с визгом пронеслись над головами и нашли своих жертв в народе, лепившемся между колонною сенатского дома и на крышах соседних домов... Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места. Разбитый оконницы зазвенели, но люди, слетевшие вслед за ними, растянулись безмолвно и недвижимо. Как будто одеревенелый, я стоял там же в том же положении, смотрел в глаза смерти и ждал рокового удара: в эту минуту существование было так горько, что гибель казалась мне благополучием. Однако, судьбе угодно было иначе. С пятым

или шестым выстрелом колонна дрогнула. Почуя это, я очнулся: между мною и бегущими была уже целая площадь и сотни скошенных картечью жертв... Я должен был следовать общему движению и с каким-то мертвым чувством в душе пробирался между убитых. Тут не было ни движения, ни крика, ни стенания. Только в промежутках между выстрелами можно было слышать, как кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снег и потом сама замерзала.

"За нами двинулся эскадрон конной гвардии и, когда при входе в узкую Галерную улицу, бегущие столпились, я достиг лейб-гренадер, следовавших сзади, и сошелся с братом Александром. Здесь мы остановили несколько десятков человек, чтобы, в случае натиска, сделать отпор и защитить отступление, но пушки продолжали стрелять по длинной и узкой улице.

«Картечи догоняли лучше, нежели лошади, и составленный нами взвод рассеялся. Мертвые тела солдат и народа валялись и валились на каждом шагу. Солдаты забегали в дома, стучались в ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечи прыгали от стены в стену и не щадили ни одного закоулка. Таким образом толпы достигли первого перекрестка и здесь были встречены новою частью Павловского гренадерского полка.

«Не видав, куда исчез брат мой, я повернул в полуотворенные ворота направо и сошелся с самим хозяином дома. Двое порядочно одетых людей бросились также в ворота и в ту минуту, как первый пригласил нас войти, картечь поразила одного из последних и он, упав, загородил нам дорогу. Прежде, нежели я успел нагнуться, чтобы приподнять его, он закрыл глаза навеки; кровь брызгала в обе стороны из груди и спины: пуля пробила его насквозь.

— Боже мой! — Нельзя ли ему помочь? — воскликнул хозяин.

Я безмолвно указал ему на рану, которая начиналась немного ниже левого соска и оканчивалась против самого хребта. Шинель молодого человека свалилась с плеч при падении.

— Да будет воля божья, — сказал хозяин. Пойдемте ко мне, иначе еще кто-нибудь из нас убудет.

«Итак мы трое, перейдя двор, остановились на крыльце.

— Дозвольте мне теперь спросить, господа, кого я имею честь у себя принимать? говорит хозяин, пока слышался голос слуги.

«Я распахнул шинель — и как полная форма мундира, штаб-офицерские эполеты и крест могли служить достаточным ответом, хозяин учтиво поклонился.

— А вы?

«Молодой человек очень приятной физиономии сказал ему свою фамилию и место службы; я жалею, что не помню ни того, ни другого.

«Мы вошли в комнату низшего этажа и, когда подали свечу, хозяин приказал запереть снова дверь, закрыть ставни на набережную и на двор и не сказывать его дома.

«Пушечные выстрелы гремели по улице и на Неве, ружейная пальба не переставала по обеим сторонам дома. Все то, что и сказали едва ли продолжалось десять минут, потом пушки замолкли, ружейные выстрелы слышались изредка, наконец, и те перестали;

«Тогда молодой человек встал, поблагодарил хозяина за гостеприимство, повторил свою фамилию и был выпущен слугою на безлюдную набережную.

«Пределы приличия не позволяли и мне оставаться далее, но я считал еще опасным выйти на двор и когда хозяин, проводя своего гостя, подошел ко мне с таким видом, будто желал и моего ухода, я ему сказал:

Вы сделали великодушное дело, укрыв нас от картечи, и теперь, когда их нечего бояться, молодой товарищ мой ушел. По законам учтивости должно бы уйти и мне. Но ваши поступки внушают мне доверенность. Я должен сказать причину, почему прошу у вас гостеприимства еще на час или два: я один из приведших на площадь войска, не присягнувшие Николаю.

«Хозяин мой побледнел. Сомнение выразилось на его лице.

— Теперь дело сделано, продолжал я, заметив перемену, — вы властны располагать мною: или выдать, как бунтовщика, или укрыть, как преследуемого несчастливца.

«Он протянул руку. Вы останетесь у меня сколько нужно для вашей безопасности, сказал он.

— Рассудите, на что вы решаетесь. Сверх мною сказанного — вы обязаны объявить, кого вы укрываете: я...

- Не нужно.... Мне довольно одного вашего несчастья,— сказал он торопливо, взяв меня за руку и сажая на стул".

Собеседники разговаривали долго, и во время разговора Бестужев назвал хозяину дома свою фамилию. Хозяин предупредил своего гостя, что у него есть, служащий при дворе, сын, самых противоположных ему, Бестужеву, взглядов и что сын этот должен скоро придти домой.

Вскоре появился, действительно, молодой человек в адъютантском мундире. Хозяин шепнул Бестужеву, что это и есть его сын.

«Молодой человек столько был занят происшествиями этого дня, — продолжает свой рассказ Бестужев, — что почти вовсе не заметил меня, не спрашивал отца, что с ним случилось, и с жаром рассказывал о действиях государя, войск и артиллерии.

— Чем же все это кончилось?—сказал мой хозяин. Я ушел с площади, когда только что начинали стрелять и потому не знаю остального.

— Одним словом, батюшка, эту толпу мерзавцев разогнали, несколько человек офицеров, с ними бывших, перехватили. Теперь открывается, что зачинщики всего зла — братья Бестужевы; их тут без счету: и ни одного из этих подлецов не могли поймать.

«Я сжал руки и стиснул зубы, но здесь не место было вступаться за свою обиженную честь. Хозяин мой вздрогнул, взглянул при этих словах на меня и начал:

- Не брани, любезный друг, так легкомысленно людей, не рассудив хорошенько об их поступках. Ты смотришь на них с одной стороны и видишь их главами придворного, но, если бы ты, подобно мне, был на площади между ними, тогда бы ты согласился, что требования их были справедливы».

Сын скоро ушел и отец, обратившись к Бестужеву, сказал:

— Вы видите, что вам не безопасно оставаться в моем доме, имея сына моего с теми мыслями....

— Я и не намерен оставаться долее, сказал я, — хочу поблагодарить вас и проститься.

— Нет, еще рано. Мы поужинаем, дадим еще успокоиться городу и тогда расстанемся.

«Здесь мы расстались»¹).